ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **Краткій очеркъ торговой и промышленной дѣятельности Калужской губерніи.** Калуга. 1897.

   Отпечатано 100 экз. «*для родныхъ, друзей и знакомыхъ*».

2. **Тоже.** Калуга. 1898.

   Пополненное изданіе (компактное). Отдѣльный оттискъ въ 50 экз. изъ «*Памятной книжки Калужской губерніи на 1898 г.*».

3. **Библіографическія монографіи. Городъ Угличъ во второй половинѣ XVIII ст. Съ планомъ древняго Углича.** Калуга. 1901.

   Отпечатано 50 экз. и въ продажу не поступало.

4. **Кабинетъ-Министръ Артемій Петровичъ Волынскій. Біографическій очеркъ.** Калуга. 1901.

   Отпечатано 100 экз. не для продажи.

Сельскія типографіи XVIII вѣка.

Отпечатано 60 нумерованныхъ экземпляровъ.

№ 16

808-14
369

R 243/10

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЯ МОНОГРАФIИ
В. В. ШАНГИНА.

СЕЛЬСКIЯ ТИПОГРАФIИ

ВЪ

ПОСЛѢДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВѢКА

И

рузаевскія изданія Струйскаго.

Публ. библ. им. Ленина С.С.С.Р.

Ф-31. 283598

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Дозволено цензурою. Спб., 13 февраля 1903 г.

Типографія Э. Арнгольда. Литейный пр., 59.

СЕЛЬСКІЯ ТИПОГРАФІИ.

Начало распространенія въ Россіи типографскаго дѣла относится ко времени изданія 7-го Ноября 1775 г. «*Учрежденій для управленія губерній*». Съ этого времени, какъ извѣстно, типографіи стали открываться первоначально въ губернскихъ городахъ, а потомъ, когда указомъ отъ 15-го Января 1783 г. разрѣшено было *всякому* заводить типографіи, онѣ стали появляться и въ селахъ. Одна изъ такихъ типографій находилась въ селѣ Пехлецѣ, Ряжскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и принадлежала Николаю Ивановичу Новикову, другая — въ с. Казинкѣ, Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, въ имѣніи Бригадира Ивана Герасимовича Рахманинова, третья была открыта въ селѣ Рузаевкѣ, Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, мѣстнымъ помѣщикомъ Николаемъ Еремѣевичемъ Струйскимъ. Купцомъ Дмитріемъ Рукавишниковымъ была заведена типографія въ раскольническомъ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губерніи; въ ней печатались, главнымъ образомъ, до-Никоновскія богослужебныя книги; изъ этой же типографіи въ 1788 году вышло рѣдкое раскольничье изданіе: «*Путешествіе пѣшеходца Василія Григорьевича Барскаго по святымъ мѣстамъ*». Кромѣ этихъ типографій, существовали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *тайныя* типографіи. Есть основаніе предполагать, что тайная типографія была, между прочимъ, въ сельцѣ Нѣмцовѣ, Малоярославецкаго

уѣзда, Калужской губерніи, въ имѣніи А. Н. Радищева, въ которой, вѣроятнѣе всего, и было отпечатано извѣстное сочиненіе его: «***Житіе Өедора Васильевича Ушакова***», составляющее нынѣ библіографическую рѣдкость первой степени.

Что именно напечатано Новиковымъ въ селѣ Пехлецѣ,—достовѣрно не извѣстно; по крайней мѣрѣ въ библіографическихъ трудахъ Сопикова, Анастасевича, Смирдина, Губерти и др. не указано ни одного изданія, вышедшаго изъ-подъ станка пехлецкой типографіи; предполагаютъ, что въ ней печатались масонскія книги.

Въ казинской типографіи Рахманиновъ отпечаталъ въ 1791 году, между прочимъ:

«***Полное собраніе всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на Россійской языкъ, и въ печать изданныхъ сочиненій г. Волтера. Второе изданіе съ поправленіемъ противъ прежнихъ, и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя, и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои никогда еще изданы не были***». Въ трехъ частяхъ.

На титулѣ этого изданія мѣстомъ напечатанія названъ г. Козловъ, въ дѣйствительности же сочиненіе Вольтера было отпечатано въ с. Казинкѣ.

Типографія Рахманинова существовала, однако, не долго: по доносу Козловскаго городничаго, она была опечатана, книги же, которыхъ оказалось въ ней болѣе 5200 экз., были конфискованы. Дѣло объ этой типографіи велось до 1797 года, когда она была уничтожена пожаромъ. Вмѣстѣ съ типографіею погибли и всѣ опечатанныя книги. Кромѣ сочиненій Вольтера, до насъ не дошло ни одного изданія казинской типографіи. Правда, у Сопикова (№ 8962) значится вышедшею изъ этой же типографіи въ 1791 году книга подъ заглавіемъ: «Приключеніе Маркизы де Базаръ, или примѣръ матерямъ»; перев. съ франц. (Козловъ, 1791), но это показаніе Сопикова представляетъ нѣкоторое сомнѣніе, такъ какъ у Смирдина (№ 9285) книга эта, съ измѣненнымъ нѣсколько заглавіемъ, показана напечатанною не въ Козловѣ, а въ Москвѣ, хотя, конечно, могло быть и два разныхъ изданія ея.

Типографія Струйскаго работала удачнѣе, чѣмъ сельскія типографіи Новикова и Рахманинова, подпавшія подъ неблагопріятныя условія для своего развитія. Объясняется это тѣмъ, что Струйскій печаталъ только собственныя сочиненія и о распространеніи ихъ не заботился. Да и какія это были сочиненія! Можно сказать только одно, что они были настолько же оригинальны, насколько былъ оригиналенъ и ихъ авторъ.

Одни изъ біографовъ Струйскаго полагаютъ, что онъ служилъ губернаторомъ въ Рязани, другіе утверждаютъ, что онъ занималъ ту же должность въ г. Владимірѣ. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Струйскій былъ богатый помѣщикъ Пензенской губерніи, служившій въ молодые годы въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку. Дослуживъ до перваго чина гвардіи-прапорщика, Струйскій вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Рузаевкѣ, Инсарскаго уѣзда. Въ селѣ этомъ находилось три церкви, изъ которыхъ двѣ были построены Струйскимъ, самое же село было обведено имъ землянымъ валомъ. Домъ, въ которомъ жилъ Струйскій, отличался необыкновенною роскошью: онъ былъ устроенъ въ два свѣта и отдѣланъ мраморомъ. О цѣнности и великолѣпіи этого дома можно судить уже по тому, что за одно только желѣзо на крыши было отдано поставщику цѣлое подмосковное имѣніе въ триста душъ. Наверху дома былъ устроенъ Струйскимъ ***Парнасъ***, по стѣнамъ котораго были

разставлены статуи Аполлона и девяти музъ. Здѣсь же было развѣшано и разное оружіе для защиты отъ злонамѣренныхъ покушеній какъ со стороны крѣпостныхъ Струйскаго, побаиваться которыхъ было для него основаніе, такъ и со стороны Емельки Пугачова, который свирѣпствовалъ въ то время въ предѣлахъ Пензенской и сосѣднихъ съ нею губерній. Внутреннее убранство Парнаса, однако, не соотвѣтствовало его прямому назначенію, хотя Струйскій и старался придать ему видъ помѣщенія, предназначеннаго исключительно для служенія музамъ. Въ томъ, что «рядомъ съ сургучемъ былъ брошенъ алмазный перстень, а возлѣ большой рюмки стоялъ непоношенный бюстъ», нельзя, конечно, видѣть *поэтическаго безпорядка*, какъ видѣлъ въ этомъ Струйскій, повидимому преднамѣренно расположившій такъ вещи. Но что еще болѣе должно было удивлять посѣтителя Парнаса, такъ это то, что всѣ вещи, находившіяся на Парнасѣ, были всегда покрыты большими слоями пыли. Пыль эта никогда не сметалась и служила, въ глазахъ Струйскаго, вѣрнымъ стражемъ святилища, такъ какъ по ней, говорилъ онъ, «я вижу тотчасъ, не былъ ли кто у меня и что онъ трогалъ».

Когда требовалъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, Струйскій отправлялся тогда на Парнасъ и тамъ писалъ свои вдохновенные стихи. Въ это время уже никто не допускался къ нему, хотя и во всякое другое время Парнасъ считался, обыкновенно, неприкосновеннымъ мѣстомъ, куда могли проникнуть одни только избранные. Объ этомъ Парнасѣ и его владѣльцѣ князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, лично знавшій Струйскаго и не разъ бывавшій у него въ Рузаевкѣ, говоритъ въ своихъ *Запискахъ*: «Въ сіе святилище никто не хаживалъ, ибо, говорилъ онъ (Струйскій), не должно метать бисера свиньямъ. Меня (Долгорукій служилъ въ то время въ г. Пензѣ Вице-Губернаторомъ) онъ удостоилъ ласковаго тамъ пріема, за который дорого заплатилъ, однако, одинъ

изъ моихъ товарищей». Поплатился же онъ тѣмъ, что Струйскій, читая гостямъ одно изъ своихъ лучшихъ произведеній «и сильно будучи имъ восхищаемъ», щипалъ этого товарища князя Долгорукова до синихъ пятенъ. «Изступленія подобнаго, когда о стихахъ говорили, я не видывалъ», замѣчаетъ князь Долгорукій. И далѣе продолжаетъ такъ характеризовать Струйскаго: «все обращеніе его впрочемъ было дико, одѣваніе странно. Онъ носилъ съ фракомъ парчевой камзолъ, подпоясывался розовымъ кушакомъ шелковымъ; обувался въ бѣлые чулки; на башмакахъ носилъ бантики и длинную повязывалъ прусскую косу. ....Онъ уважалъ очень, между предметами учености, оптику и толковалъ мнѣ, но очень втунѣ, часа два, что «многія сочиненія нашихъ авторовъ теряютъ своей цѣны отъ того только, что листы не по правиламъ оптики обрѣзаны; что голосъ отъ этого ожидаетъ продолженія рѣчи тамъ, гдѣ переходъ ея прерывается и отъ нескладности тона теряется сила мысли сочинителей».

Не всегда, однако, Парнасъ служилъ мѣстомъ для поэтическаго творчества Струйскаго и не все время сидѣлъ онъ тамъ запершись. Были, само собою разумѣется, отступленія, хотя и рѣдкія. Такъ, иногда приходилось, по нуждѣ, допускать на Парнасъ и мужика-старосту съ докладами по хозяйству; тамъ же, у подошвы Парнаса, производился подъ-часъ и судъ надъ виновными и происходило даже самое наказаніе. Струйскій, по словамъ князя Долгорукова, былъ не только поэтъ, но и судья, вмѣщавшій въ себѣ въ то же время всѣ лучшія качества и прокурора и адвоката. Онъ самъ дѣлалъ своимъ людямъ допросы; говорилъ рѣчи *за* и *противъ* и объявлялъ опредѣленія. При допросахъ Струйскій прибѣгалъ иногда къ пыткамъ и Парнасъ обращался тогда въ *тайную канцелярію*. Покончивъ съ Ѳемидою, Струйскій обращался къ служенію Аполлону. «Какой, замѣчаетъ князь Долгорукій, удивительный переходъ отъ страсти самой звѣр-

Библ. В. И. Ленина

ской, отъ хищныхъ такихъ произволеній, къ самымъ кроткимъ и любезнымъ трудамъ, къ сочиненію стиховъ, къ нѣжной и всеглобзающей литературѣ. Все это непостижимо!.. Подивимся и замолчимъ».

Типографія, заведенная Струйскимъ въ Рузаевкѣ, была также устроена прекрасно, какъ и домъ: отличный, чистый шрифтъ; вырѣзанныя на мѣди виньетки, служившія для украшенія изданій; александрійская бумага и проч., всего этого было въ большомъ запасѣ; наборщики и мастера были всѣ изъ крѣпостныхъ Струйскаго. Не удивительно послѣ этого, что всѣ изданія, печатавшіяся въ рузаевской типографіи, отличались съ внѣшней стороны необыкновенною роскошью. Печаталъ Струйскій, по преимуществу, одни только свои сочиненія и для продажи ихъ не предназначалъ, а раздавалъ лишь высокопоставленнымъ лицамъ, знакомымъ, роднымъ и прежде всего своимъ сыновьямъ. Даря послѣднимъ свои сочиненія, Струйскій наблюдалъ, чтобы они не только читались и перечитывались, но и сберегались и на этотъ случай установилъ даже особый контроль. Насколько контроль этотъ былъ своеобразенъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Одинъ изъ сыновей Струйскаго служилъ въ гвардіи вмѣстѣ съ Иваномъ Петровичемъ Бекетовымъ. Увидавъ у Струйскаго сочиненіе его отца, т. е. такую рѣдкость, которой нельзя нигдѣ купить, Бекетовъ всячески старался выпросить себѣ книгу, и добился этого подарка лишь подъ условіемъ, немедленно возвратить книгу, какъ только въ ней встрѣтится надобность. Впослѣдствіи оказалось, что Струйскій-отецъ время отъ времени требовалъ отъ сына увѣдомленія: «какой стихъ находится въ его сочиненіяхъ на такой-то строкѣ такой-то страницы?» Вѣрные отвѣты на это служили удостовѣреніемъ въ томъ, что сынъ не разлучается съ сочиненіями отца.

Полнаго перечня сочиненій Струйскаго у насъ не имѣется до настоящаго времени. Въ «*Матеріалахъ*» Н. В.

Губерти описаны только нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій и еще менѣе внесено ихъ въ «*Опытъ*» В. Сопикова, въ «*Роспись*» Смирдина, въ «*Книжныя рѣдкости*» Геннади и въ труды другихъ извѣстныхъ нашихъ библіографовъ. Намъ удалось собрать свѣдѣнія о слѣдующихъ сочиненіяхъ Струйскаго:

А. Напечатанныя въ Рузаевкѣ.

1) Перстень. Печатано въ Рузаевкѣ, съ указнаго дозволенія, 1792 года. 7 стр. 4⁰.

2) Епиталама или Брачная Пѣснь. На вожделенный для Россіянъ бракъ Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Александра Павловича съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Благовѣрною Государынею Великою Княжною Елизаветою Алексѣевною Принцессою Баденскою, совершившійся въ Престольномъ градѣ Петрополѣ, сего 1793 года, сентября въ 28 день. Печатана съ указнаго дозволенія въ Рузаевкѣ у Автора. Пенза. 8 нум. стр. 8⁰.

3) Письмо къ Ивану Ивановичу Шувалову. 4 стр. 4⁰.

На послѣдней страницѣ: «Печатано съ указнаго дозволенія, въ Рузаевкѣ, 1793 года Ноября въ 1-е». Надъ стихами—гербъ фамиліи Шуваловыхъ, а въ концѣ—подпись: «Николай Струйскій».

4) Письмо о Россійскомъ театрѣ нынѣшняго состоянія. 21+1 стр. 4⁰.

На оборотѣ послѣдняго листа помѣчено: «Печатано съ указнаго дозволенія въ Рузаевкѣ. Въ типографіи у автора, 1794 года». На этой же страницѣ и подпись: «Николай Струйскій».

5) Въ память Сергѣю Герасимовичу Домашневу усерднѣйше посвящается супругѣ ево Варварѣ Ивановнѣ Домашневой урожденной Княжнѣ Оболенской. 8 стр. 4°.

На послѣдней страницѣ: «Николай Струйскій. Печатано съ указнаго дозволенія въ Рузаевкѣ, 1795 году». На 3-й страницѣ помѣщенъ гравированный гербъ Домашневыхъ, а на 6-й – виньетъ, изображающій горящую урну.

6) Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Самодержицѣ Всероссійской Ода анакреонтическая и труды всеусерднѣйше посвящаются отъ вѣрноподданнѣйшаго Николая Струйскаго. XIII стр. 8°.

На послѣдней страницѣ значится: «Печатано въ Рузаевкѣ, въ типографіи у автора, 1795 года Генваря въ 1-е».

7) Письмо къ другу или излiянiе сердца. 9+1 стр. 8°.

На первой страницѣ помѣщенъ гравированный гербъ Нарышкина, а на послѣдней: «Печатано съ указнаго дозволенія въ Рузаевкѣ MDCCLXXXXV».

8) Акаѳистъ Покрову Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи. 56 стр. 4°.

На послѣдней страницѣ обозначено: «Печатано въ селѣ Рузаевкѣ, Струйское тожъ, въ лѣто отъ Христа 1796 года, Іюня въ двадесять вторый день, въ царствованіе Премудрыя Екатерины». Это—послѣднее изданіе, появившееся при жизни Струйскаго. Онъ умеръ въ 1796 году, вслѣдствіе болѣзни, приключившейся съ нимъ по полученіи извѣстія о кончинѣ Императрицы.

Кромѣ перечисленныхъ сочиненій, перу Струйскаго принадлежатъ слѣдующія, напечатанныя, вѣроятно, также

въ Рузаевской типографіи, хотя ни на одномъ изъ нихъ и не обозначено мѣсто печати. Это:

9) Двѣ элегіи на смерть Александра Петровича Сумарокова. 7 стр. 4°.

На послѣдней страницѣ подпись «Николай Струйскій». Съ двумя гравированными виньетами, изъ коихъ помѣщенный на послѣдней страницѣ изображаетъ курящуюся урну, а внизу примѣчаніе автора: «А. П. С. родился въ 1727 году, скончался на пятидесятомъ году своего рожденія, въ Москвѣ въ 1777 году, тѣло его погребено въ Донскомъ монастырѣ». Второй виньетъ изображаетъ ликованіе ада.

10) Ея Превосходительству, Милостивой Государынѣ Марьѣ Львовнѣ Нарышкиной, предражайшей дщери милостиваго моего Мецената. 4 нен. стр. 4°.

Съ гравированнымъ виньетомъ. Внизу послѣдней страницы подпись: «Николай Струйской».

11) Елегія къ Капнисту. Сочиненіе Николая Струйскаго. 4°.

12) Наставленіе хотящимъ быти петиметрами. 4°.

13) О Парижѣ. 3 нум. и 1 нен. стр. 8°.

Съ гравированнымъ виньетомъ. На послѣдней страницѣ: «Николай Струйской 1790 года».

14) Письмо ко Льву Александровичу Нарышкину. 4 стр. 4°.

15) Письмо къ Настасьѣ Петровнѣ Юшковой на представленіе супруга ея Ивана Ивановича Юшкова. 5 стр. 4⁰.

16) Стихи къ медали, поднесенной графу А. Г. Орлову отъ Адмиралтейской Коллегіи въ благодарность за истребленіе Турецкаго флота при Чесмѣ. 6 нен. стр. въ листъ.

17) Стихи на возвращеніе изъ чужихъ краевъ Его Высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова. II. Письмо къ Федору Григорьевичу Карину на представленіе Александра Петровича Сумарокова. III. Эпитафія.

Всѣ эти стихи напечатаны на 4-хъ страницахъ въ четвертую долю листа. Сопиковъ (т. 4, № 11371) относитъ ихъ къ 1779 году, что едва ли правильно.

Б. Напечатанныя въ С.-Петербургѣ.

18) Апологія къ потомству отъ Николая Струйскаго, или начертаніе о свойствѣ нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравоучительныхъ ево поученіяхъ, писана 1784 въ Рузаевкѣ. Спб. въ тип. Шнора, 1788 года. 37 нум. стр. 4⁰.

Съ двумя виньетами въ началѣ и концѣ книги. Это сочиненіе выдержало три изданія; послѣднее напечатано было въ 1793 году въ типографіи автора.

19) Еротоиды, сочиненіе Николая Струйскаго. Спб. 1788. 12⁰.

20) Епистола Ея Императорскому Величеству Всепресвѣтлѣйшей Героинѣ, Великой Императрицѣ Екатеринѣ II, от вѣрноподданнѣйшаго Николая Струйскаго. Саранскъ. 1789. XXVII+1 стр., въ листъ.

На послѣдней страницѣ значится: «Въ Санктпетербургѣ, печатано съ дозволенія указнаго въ типографіи у I. К. Шнора». Съ двумя гравированными виньетами, изъ коихъ помѣщенный на 3 стр. изображаетъ вензелевое имя Императрицы подъ короною, окруженное сіяніемъ, а виньетъ, помѣщенный на послѣдней страницѣ, представляетъ лиру, перевитую цвѣтами, и трубу, наискось пересѣкающую ее. Въ слѣдующемъ 1790 г. вышло 2-е и 3-ье изданіе «Епистолы». Оба напечатаны также въ типографіи Шнора.

21) Сочиненія Николая Струйскаго. Часть I-я. Спб., въ типографіи Шнора. 1790. 4⁰.

Съ нѣсколькими гравированными виньетами; одинъ изъ нихъ изображаетъ портретъ графа А. Г. Орлова. Изданіе болѣе не продолжалось. У Рижскаго книгопродавца Н. Киммеля находился въ продажѣ экземпляръ съ приложеніемъ сочиненія Струйскаго подъ заглавіемъ: «Его не для насъ». Спб. 1790. См. каталогъ Киммели XXXIX, № 2778.

22) Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей. Посвящаетъ стихи сіи вѣрноподданнѣйшій Николай Струйскій. На заключеніе мира со шведами. 1790 года. Саранскъ. 8 стр. 4⁰.

Съ виньетами въ началѣ и концѣ стихотворенія. На послѣдней страницѣ помѣчено: Въ Санктпетербургѣ печатано въ типографіи у I. К. Шнора 1791 года.

23) Его Императорскому Высочеству Пресвѣтлѣйшему Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу Наслѣднику Всероссійскаго престола прино-

сится сія малая жертва; отъ вѣрноподданнаго Николая Струйскаго. Саранскъ. 1790. 7 стр. 4°.

Печатано въ Спб., при Императорской Академіи Наукъ. Съ двумя виньетами. Второе изданіе печаталось въ типографіи у І. К. Шнора.

24) Блафонъ сочиненія Николая Струйскаго къ I-й части ево поэзіи. Печатанъ въ вольной типографіи у I. К. Шнора въ С.-Петербургѣ 1791 года. XII стр. 4°.

Списокъ этотъ не заключаетъ въ себѣ, конечно, *всѣхъ* сочиненій Струйскаго: при его страсти писать и печатать стихи, ихъ появилось на свѣтъ, несомнѣнно, гораздо большее количество, но привести въ извѣстность всѣ сочиненія Струйскаго едва ли возможно въ настоящее время, а если и возможно, то только общими усиліями всѣхъ, интересующихся исторіей и развитіемъ русскаго книгопечатанія. Прежде всего могутъ помочь дѣлу любители и владѣльцы книжныхъ рѣдкостей. Мы и приглашаемъ поэтому ихъ продолжать наше описаніе сочиненій Струйскаго, если они располагаютъ другими какими-либо сочиненіями этого метромана.

Въ дополненіе къ приведенному списку мы помѣщаемъ здѣсь еще одно сочиненіе Струйскаго, напечатанное имъ въ Рузаевкѣ въ 1796 году, именно «Оду на бракосочетаніе Великаго Князя Константина Павловича». Ода эта имѣется въ нашемъ книгохранилищѣ и представляетъ собою чуть-ли не единственный экземпляръ, уцѣлѣвшій до настоящаго времени. Въ виду чрезвычайной рѣдкости этой оды, она перепечатывается здѣсь сполна, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника. Внѣш-

няя сторона оды, подобно всѣмъ другимъ изданіямъ Струйскаго, совершенно безупречна и можетъ удовлетворить даже изысканному вкусу. Напечатана она на александрійской бумагѣ и украшена двумя гравированными виньетками; наборъ и шрифтъ также безукоризненны. Но что особенно поражаетъ насъ, такъ это необыкновенная причудливость Струйскаго въ разстановкѣ **знаковъ препинанія:** запятыя и знаки восклицательные и вопросительные такъ и пестрятъ въ глазахъ, чередуясь между собою произвольно и безъ надобности. Разставлялись они, очевидно, по какой-то особой системѣ и, надо полагать, по законамъ той самой **оптики**, о которой толковалъ Струйскій, **но очень втунѣ**, два часа князю Долгорукову...

О литературномъ достоинствѣ сочиненій Струйскаго едва ли нужно говорить: читатель можетъ составить о нихъ вполнѣ правильное понятіе по прилагаемому образцу. Впрочемъ, не лишне послушать мнѣніе по этому предмету князя Ивана Михайловича Долгорукова.

Считая ихъ за неисчерпаемый источникъ нелѣпостей, князь Долгорукій въ своихъ *Запискахъ* говоритъ: «Сочиненія Струйскаго разсмѣшили бы мертваго. Потѣшнѣе, послѣ Телемахиды, ничего нѣтъ на свѣтѣ... Они во всемъ несносны. Простимъ ему ихъ, поелику онъ умеръ и другихъ такихъ уже не напишетъ. Пожелаемъ, однако, притомъ искренно, чтобы подобныхъ не возрождалось... Какъ о сочинителѣ стиховъ я о немъ не сожалѣлъ ни мало, ибо онъ ихъ писать совсѣмъ не умѣлъ и щеголять имѣлъ право болѣе ихъ тисненіемъ, нежели складомъ. Если бы вѣкъ его продолжился, онъ бы отяготилъ вселенную своими сочиненіями. Хорошо, хорошо сдѣлала судьба, что прекратила несносные его досуги».

Но если князь Долгорукій считалъ сочиненія Струйскаго за неисчерпаемый источникъ нелѣпостей, то самъ

авторъ былъ совершенно противоположнаго о нихъ мнѣнія. Странно и непонятно самообольщеніе Струйскаго, но онъ, бывъ страстнымъ поклонникомъ Екатерины, считалъ себя ея пѣвцомъ ***наравнѣ съ Державинымъ***; слагая въ честь ея различные гимны, онъ лелѣялъ даже мечту занять почетное мѣсто придворнаго барда. Мало того, онъ ожидалъ себѣ награды и въ будущемъ, расчитывая, что за свои піитическія заслуги онъ будетъ причисленъ благодарнымъ потомствомъ къ лику безсмертныхъ. Онъ писалъ:

«Какъ буду я забвенъ у время,
«Поя Петрово славно племя!
. . . .
. . . .
«Сему я вѣрю предвѣщанью,
«Какъ вѣрю я здѣсь самъ себѣ».

Мечтаніямъ Струйскаго не суждено было, однако, осуществиться: Императрица Екатерина рѣшительно не обратила на него своего вниманія и не удостоила его «награды за добродѣтели», а потомками, если онъ и «***не забвенъ***» окончательно, то ужь развѣ только какъ парнасскій буфонъ, страдавшій «стихотворнымъ сумасшествіемъ»...

ОДА

Его императорскому высочеству благовѣрному государю великому князю Константину Павловичу на вожделѣнный и радостный для Россіянъ день бракосочетанія его высочества съ ея императорскимъ высочествомъ благовѣрною государынею великою княжною Анною Ѳеодоровною урожденною Принцессою Саксенъ-Заафелд-Кобургскою, совершившееся въ Петрополѣ 1796 года Февраля въ пятыйнадесять день,

Всеусерднѣйше посвящается отъ вѣрноподданнаго

Николая Струйскаго.

ОДА

Подайте мнѣ златую лиру,
Воспѣть хочу я брачный день,
Бракъ, КНЯЗЯ, возвѣщу я миру,
О! коль сія пріятна тѣнь,
Котора лаврами обильна!
Воспламенить меня всесильна!
Горячая сердецъ любовь,
Сердецъ увѣнчанныхъ цвѣтами,
На коихъ радость, какъ звѣздами,
Усыпана и жжетъ въ нихъ кровь!

*

Взойду на гору я прекрасну,
Гдѣ розы, гдѣ и миртъ ростетъ!
Кастальскую пью воду, ясну!
Меня не музъ игра ведетъ,
На гору, гдѣ пригорки пышны:
Едины соловьи здѣсь слышны:
Туда теперь стремится духъ:
Гдѣ горлица свыкаясь съ другомъ,
И непорочность ихъ подругомъ
Ихъ водитъ тамъ по вѣтьвямъ вкругъ.

*

О! вы прекрасныя планеты:
Блистая въ небѣ краше всѣхъ!
Въ сей день, сколь пышно вы одѣты:
Для сихъ вѣнчанныхъ Главъ утѣхъ:
Которыхъ Гименъ сопрягаетъ:
Все силы лука напрягаетъ,
Разить сердца межъ Ихъ Еротъ!
Дражайшій КОНСТАНТИНЪ то внемлетъ,
Прекрасну АННУ днесь объемлетъ,
И начинаетъ брачный годъ.

*

Подъ вашими Они лучами
Свой миру блескъ пускай ліютъ:
Подобно какъ теперь очами
Другъ друга сердца сладость пьютъ:
И возвращаясь многократно,
Искать того что Имъ пріятно,
Себя лобзаютъ, всякой часъ:
О! Солнце! ты на Нихъ взирая,
И паче зрѣніемъ згарая
Меня ведешъ ты на Парнасъ!

*

Взойду взойду еще повыше,
И буду пѣсни ткать, тобой!
Но ты позволь, играть мнѣ тише
И не гремѣть въ сей день трубой?

Дабы спокойства не разрушить,
И брачныхъ словъ мнѣ не нарушить,
Сіе дороже мнѣ всего:
Сколь Ихъ гармонія прелестна!
Лишь Имъ однимъ и мнѣ извѣстна!
А пламень сердца твоего?

*

Я вижу Марса ополченна:
Но брони, на груди ужъ нѣтъ:
Съ пресладкимъ словомъ совлеченна:
Живу, Тобою Я мой свѣтъ!
Тобой дышать, судьбы по волѣ:
Намъ чтить премудрость на Престолѣ:
Уставлено отъ вѣка такъ:
Къ народу благости являя,
Отъ рукъ насильныхъ избавляя,
Тягчать вдовицъ и сирыхъ зракъ:

*

Мы будемъ поучаться всюду,
Отъ МАТЕРИ Россійскихъ чадъ:
ЕЯ словъ вѣчно не забуду,
Чтобъ лихоимство свергнуть въ адъ!
И притуплять, судей злыхъ жало:
Сколь сердце МАТЕРНѢ дрожало!

Когда къ Ней къ Трону вопіютъ,
Когда къ Ней вопль людей доходитъ.
Правитель гдѣ въ соблазнъ приходитъ:
Анагріи тамъ жадно пьютъ!

*

Мы будемъ вѣру соблюдати,
И Бога чтить законъ прямой!
Все можетъ намъ Творецъ подати,
Онъ въ совѣсти помощникъ мой:
А Я Тебя люблю какъ душу!
На мигъ спокойства ненарушу!
И всѣмъ украшу Я Тебя!
Во чтеніи любви згарая,
И страсти нѣжной, поборая,
Всемъ чувствіемъ Тебя любя!

*

О! гласъ блаженный! гласъ достойный
Породы грома и Боговъ!...
Какія Гимны въ честь пристойны,
И гдѣ сыщу, похвальныхъ словъ,
Прославить бракъ сей знаменитый:
Благословеніемъ покрытый:
И что въ восторгѣ изреку?...
Объятъ симъ щастіемъ отвсюду,
Сего дня вѣчно не забуду,
Сколь! сладкую я пью рѣку?

*

Блистаетъ въ КНЯЗѢ добродѣтель,
Подобно въ мужѣ многихъ лѣтъ:
И не Парнассъ одинъ свидѣтель,
Всевышній! осѣни сей цвѣтъ!
Укрась Ево фортуну миромъ:
Одѣянну всегда Порфиромъ,
Безцѣнная, ПЕТРОВА, кровь,
Кого и въ жизни обожали,
Враги Твои Ево дрожали!
Но се, речетъ, въ сей часъ, любовь!

*

Мнѣ мнится на крылахъ несуться,
Слова прекрасной АННЫ въ слухъ:
Съ пригорковъ какъ ключи лїються,
И восхищаютъ мысль и духъ:
Пермессовымъ струямъ приличны:
Игры прозрачностью различны:
Питаютъ прохлаждая жаръ:
Такъ мнѣ въ уста сїй ароматы,
Ввѣваютъ вѣстники крылаты:
Кто ихъ не приметъ такъ какъ даръ!

*

Къ Супругу такъ Она вѣщала:
На мудрыя Ево слова:
Россїю ими восхищала!
А множитъ то теперь молва!

«Я вся Твоя! Тебѣ врученна?..
«Была съ Тобой Я обрученна,
«А нынѣ Я Тебѣ, жена!..
«Супруга Князя Я Россійска!
«Степень Моя была не низка;
«Но вновь Я мниться рождена?..

*

«Хочу послѣдовать Я волѣ,
«Сѣдящей на Престолѣ здѣсь!
«Тебя любить, и чтить Я болѣ,
«Когда ужъ духъ згараетъ весь:
«Возможности въ Себѣ, не знаю?..
«Драгимъ Супругомъ называю;
«Я всѣмъ обязана Тебѣ?
«Тебя родившимъ буди равнымъ!..
«Союзомъ спряжена преславнымъ!..
«Во всемъ обязана судьбѣ!

*

О! стройный сладкій гласъ и нѣжный,
Ты лирамъ придаешъ Твой звонъ:
Мнѣ угожденія прилѣжны:
Отъ глазъ бѣжитъ влюбленныхъ сонъ!
На быстрыхъ лебедяхъ Киферы,
Еротъ коснувшись гемисферы,

Онъ продолжаетъ свой полетъ:
Въ Пафосъ зардѣвшись отлетаетъ,
Въ объятіяхъ онъ Псиши таетъ,
Но Граціевъ предъ нимъ ужъ нѣтъ!

*

Они остались при Діянѣ:
И вѣчно будутъ съ Нею жить,
При сей Богини иль при АННѢ,
Съ стыдливостію Ей служить!
Се скромность дарагая блещетъ!
Предъ Ней и Аполлонъ восплещетъ!
Не токмо музъ служитель я?
Мои всѣ силы раздробляетъ,
И сердце радость растопляетъ,
Щастлива будетъ пѣснь моя!..

*

Моя душа воспламененна,
И чувствуетъ всю цѣну дня!
А зритель дню сему вселенна,
Вмѣщающая и меня!
Какъ буду я забвенъ у время!
Поя ПЕТРОВО славно племя!
И день сей радостный взнося?...
Не клятвенну обычну жертву
Въ безсовѣстныхъ давно ужъ мертву;
Но чистый духъ мой принося?

*

Сему я вѣрю предвѣщанью,
Какъ вѣрю я здѣсь самъ себѣ:
Подай Ты моему мечтанью
Востлѣть надеждою къ Тебѣ:
О! Россовъ КНЯЗЬ, Тобой я таю,
Подобно какъ Икаръ взлетаю,
Хочу счастливо долетѣть,
Чтобъ бракъ мнѣ Твой достойной славы:
Чтя МАТЕРНИ Тоя уставы,
Согласно возыграть и пѣть.

*

Мое веселье провождаетъ,
Быстротекуща слава въ путь,
А брачный КНЯЗЬ тамъ угождаетъ
Что бы безцѣнную тронуть!
О! вѣкъ блаженный, жизнь драгая!
У насъ чета Сїя другая,
А прежде АЛЕКСАНДРЪ явилъ:
Да блещутъ въ неизчетны годы:
И притекутъ къ намъ вновь народы,
А Ихъ породы яко Нилъ.

*

Подобно Нилу разольються,
Для напоенья многихъ странъ:
И плески такъ же раздадуться,
Съ Трофеями во громахъ къ намъ:
Царица половина свѣта
Порфирою, въ Вѣнцѣ, одѣта,

Сѣдитъ на Тронѣ яко Богъ!
Предъ Ней тамъ Сынъ Ее, Онъ блещетъ:
И каждый врагъ отъ Нихъ трепещетъ:
Всевышнїй облисталъ Ихъ рогъ!

*

Предъидетъ АЛЕКСАНДРЪ, другинямъ!
Ведя Собой Свою чету?
И плещетъ вкусъ младымъ Княгинямъ!
Княженъ, златую зря черту!
Сестръ! Братїевъ Своихъ тутъ зрящихъ,
И яко голубйицъ зарящихъ!....
Съ летающихъ съ Олимпа къ намъ?
Но больше къ зрѣнїю приводитъ,
И око всѣхъ межъ Нихъ находитъ
Входяща жениха во храмъ?—

*

Се Мать пресвѣтлыми очами,
Къ Нимъ радостный восторгъ лїетъ!
Нѣтъ щастїя подъ небесами!
Напрасно нѣкто вопїетъ:
За добродѣтели въ награду!
Пїютъ.... хоть нѣкїй дни, отраду!..
Ираклoвыхъ трудовъ своихъ?
Такъ ПЕТРЪ! подъявъ труды велики:
Гремящи зрѣлъ въ Свои дни лики!
Но вся, ТВОЯ! и отъ ТВОИХЪ?

Печатано съ Указнаго дозволенія
Въ Рузаевкѣ.
1796 года.